

Горбов В.Н., Божко Р.П., Кушнир В.В.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ НА ТЕРРИТОРИИ КРЕПОСТИ КАЛЬМИУС И ЕЕ ОКРЕСТНОСТЕЙ

Реферат: В 2010-2012 гг. в г. Мариуполе на территории крепости Кальмиус – центра Кальмиусской паланки Войска Запорожского впервые были проведены археологические раскопки. На исследованном памятнике были выявлены слои разной степени сохранности – неолита, эпохи бронзы, раннего средневековья, XVIII-XX вв. Актуальность данной статьи состоит в комплексной публикации наиболее значимых результатов исследований ранее неизвестного поселения Кальмиус. Цель статьи – проанализировать коллекцию артефактов неолитического времени, установить связь поселения с Мариупольским могильником, а также рассмотреть полученные материалы XVIII в. в связи с историей крепости Кальмиус и ранним периодом истории г. Мариуполя. Для достижения этой цели была детально рассмотрена выразительная коллекция неолитической керамики, проанализированы формы и система орнаментации сосудов, выявлены синкретические черты. Было исследовано помещение XVIII в., которое имело глубокий котлован с опорными столбами. Здесь найдены фаянсовые помадницы, турецкая курительная трубка, корабельные гвозди. Материалы позволили атрибутировать котлован как временное хозяйственное помещение казаков из крепости Азов. Был изучен керамический комплекс, относящийся к периоду существования крепости Кальмиус (турецкие керамические и голландская фаянсовая трубки, расписная столовая посуда).

Ключевые слова: крепость Кальмиус, Войско Запорожское, неолит, Мариупольский могильник, крепость Азов.

Summary: In 2010-2012 in Mariupol within Kalmius fortress – the centre of Kalmius Palanka of Zaporozhian Army, were firstly carried out the archaeological excavations. The examined monument was layered. The revealed layers have different degree of safety – from the Neolithic, the Bronze Age, the early Middle Ages and XVIII century to the XX century. The relevance of the present article is a comprehensive publication of the most important research results of a previously unknown settlement Kalmius. The purpose of the article is to analyze the collection of Neolithic artifacts, establish a connection with the settlement of Mariupol burial ground, and to consider the submissions received in the XVIII century in connection with Kalmius fortress history and the early period of the Mariupol's history. To achieve this purpose there has been considered in detail the expressive collection of Neolithic pottery, analyzed the shape and ornamentation of the vascular system, identified syncretic features. The materials from premises of XVIII century, which had a deep pit with supporting pillars, were investigated (earthenware pomade boxes, Turkish tobacco pipe, ship nails). These findings allowed define this premises as a utility room of Cossack's Azov Fortress. Besides there has been studied pottery complex belonging to the period of existence of the Kalmius fortress (Turkish and Dutch delft ceramic tube, painted tableware).

Keywords: Kalmius fortress, Zaporozhian Army, Neolith, Mariupol's burial ground, Azov fortress.

Кальмиусская крепость, бывшая центром Кальмиусской паланки Войска Запорожского, до недавнего времени была известна только по письменным источникам и случайным находкам казацкого периода на территории г. Мариуполя. Известно, что крепость располагалась на высоком правом берегу недалеко от устья р. Кальмиус. Однако внешние признаки существования крепости в настоящее время отсутствуют, так как остатки валов и рвов были уничтожены в 1845 г. Благодаря картографическим наблюдениям мариупольских исследователей, было определено примерное место расположения крепости.

В 2010-2012 гг. Приазовской археологической экспедицией (рук. В.Н. Горбов) совместно с Мариупольским краеведческим музеем (директор О.М. Чаплинская), Мариупольским государственным университетом (рук. студенческой практики В.О. Забавин), при поддержке казацких организаций (рук. А.В. Безручко), мариупольских краеведов и волонтеров были проведены археологические раскопки. Общая исследованная площадь составила более 120 м² при мощности культурного слоя до 1,9 м. Памятник

оказался многослойным. Выявлены слои разной степени сохранности, относящиеся к неолиту, бронзовому веку, салтово-маяцкой культуре, XVIII-XX вв.

Нижний слой памятника, представлявший собой гумусированный песок интенсивно черного цвета (рис. 1), относится к неолитическому поселению Кальмиус. Коллекция фрагментированной керамики, полученная в результате исследования этого слоя, немногочисленна, но весьма выразительна. Это позволяет дать ее культурно-хронологическую оценку. В тесте – примесь песка, слюды, неопределенной органики. Черепок достаточно плотный, цвет поверхности красный, коричневый, реже – приближающийся к черному. Все фрагменты венчиков сосудов (за исключением одного) орнаментированы. Орнамент наносился зубчатым штампом, реже – прочерченными линиями.

Преобладают сосуды с плавной профилировкой, выраженной шейкой, раздутым туловом. Они орнаментированы различными композициями зубчатого штампа, в том числе, в виде ломаных линий (рис. 2, 6, 10), реже – в виде вертикальной елочки (рис 3, 6). Встречены композиции оттисков штампа с “резервной” зоной между ними (рис. 2, 3, 5, 7).

Наибольший интерес представляют сосуды с косо срезанным внутрь краем венчика, орнаментированным зубчатым штампом (рис. 2, 3, 5, 10). Встречается орнамент на внутренней части венчика (рис. 2, 2; 3, 10). Это характерные признаки I-A периода азово-днепровской культуры [Котова 1990, с. 40]. Показателен фрагмент сосуда, орнаментированный косыми оттисками штампа и двумя рядами горизонтально расположенных ромбов, стыкующихся вершинами, с “резервной зоной” между ними; косо срезанный край венчика орнаментирован оттисками зубчатого штампа (рис. 2, 5). Близкую аналогию как по форме, так и орнаментации находим на сосуде, происходящем из нижнего слоя пос. Семеновка, относящегося к I-A периоду азово-днепровской культуры [Котова 2002, рис. 62, 36]. Наибольший интерес представляет керамика синкретического облика, отражающая контакты трех культур. Например, сочетание в орнаментации одного сосуда оттисков сегментовидного штампа, характерного для азово-днепровской культуры с вдавлениями, характерными для поздней сурской культуры (рис. 4, 3) [Котова, Тубольцев 1992, рис. 2]. Ряды вдавлений в сочетании с оттисками сегментовидного штампа встречаются на сосудах округлых форм (рис. 1, 9), близких к нижнедонской культуре [Котова 2002, рис. 71, 45, 48].

Большой интерес представляет фрагмент сосуда, со стенками, сужающимися книзу и расширяющимися в придонной части, орнаментированной зубчатым штампом (рис. 4, 2). Практически аналогичный фрагмент найден во втором горизонте поселения Раздорское [Кияшко 1994, рис. 4, 8], отнесенного к первому этапу нижнедонской культуры [Котова 2002, рис. 72, 5].

Найдено еще несколько фрагментов нижних частей сосудов с орнаментированным дном и придонной частью; при этом дно, как правило, вогнуто (рис. 2, 4, 5, 9, 11, 12). Подобная формовка дна фиксируется на памятниках, расположенных в зоне контакта азово-днепровской и днепро-донецкой [Котова 1990, рис. 4, 4] или азово-днепровской и буго-днестровской [Товкайло 1990, рис. 2] культур. Сочетание орнаментированной нижней части сосудов с вогнутым орнаментированным дном, возможно, является особенностью местной керамической традиции.

В слое найден штамп для орнаментации керамики, у которого три зубца сохранились, один отломан (рис. 4, 1). Он сделан из расколотой вдоль трубчатой кости мелкого копытного, что и определило сегментовидную форму рабочей части и ее оттисков. Оттиски подобных штампов зафиксированы на керамике с поселения.

Исследователями уже отмечалось, что бассейн р. Кальмиус был местом, где смыкались территории нижнедонской, азово-днепровской и сурской культур [Котова, Тубольцев 1992, с. 22]. Естественно, что материальная культура поселений, находящихся в контактной зоне, имела синкретический характер. Однако культурная доминанта на разных неолитических

поселениях указанных регионов различалась. Керамический комплекс неолитического слоя поселения Раздольное (среднее течение р. Кальмиус) отнесен ко второму этапу нижнедонской культуры, при этом в нем прослеживается влияние традиций сурской культуры [Котова Тубольцев 1992, с. 19; Котова 2002, с. 27]. В то же время неолитический комплекс исследованного нами памятника, расположенного в устье Кальмиуса, имеет облик I-A периода азово-днепровской культуры с некоторыми инокультурными заимствованиями.

Существенно, что оба памятника находятся на правом берегу р. Кальмиус. Возможно, на этой территории в эпоху неолита сосуществовали две культуры. Есть вероятность, что они могли сменить друг друга на данной территории, так как поселения разновременны. Для подтверждения того или другого предположения у нас на данном этапе информации нет.

Азово-днепровская и нижнедонская культуры, вслед за И.Б. Васильевым, отнесены Н.С. Котовой к Мариупольской культурно-исторической общности [Котова 2002, с. 24]. Необходимо сделать некоторое уточнение. Могильник у с. Съезжее [Васильев, Матвеева 1979] можно синхронизировать только с поздними этапами указанных культур. Вероятно, первые периоды азово-днепровской и нижнедонской культур следует выделить в ранний этап Мариупольской культурно-исторической общности, которая только на позднем (финальном) этапе занимает территориальные границы, определенные И.Б. Васильевым от Урала до Приднепровья [Васильев, Матвеева 1979, с. 165].

На памятнике найдена значительная коллекция изделий из кремня [Коваль, Дегерменджи 2013]. Среди находок неолитического времени выделяется изделие из мелкозернистого песчаника, верхняя часть которого украшена углубленным орнаментом (рис. 4, 4). Нижняя рабочая поверхность, арковидная в сечении, имеет желобок по длинной оси. Интерпретация изделия проблематична. Его нельзя отнести к так называемым “утюжкам” (“челнокам”), непременным атрибутом которых являются желобки в верхней части изделия. Именно поэтому данную категорию предметов называют “поперечно-желобчатыми изделиями” [Усачева 2006, с. 4]. У нашего изделия такие желобки отсутствуют. Рабочая поверхность сближает его с выпрямителями древков стрел, однако у них желобок проходил по длинной оси через все изделие. При совмещении двух половинок выпрямителя создавалось сквозное отверстие. В изделии с пос. Кальмиус продольный желобок не доходил до концов, что не позволяет считать его выпрямителем. Этот факт, а также форма сближает его с артефактом из песчаника, найденным на неолитической стоянке Старица-XVIII в Среднем Подонцовье [Горелик и др. 2006, рис. 8, 2]. Последний был определен как абразив для подправки костяных или деревянных острий [Горелик и др. 2006, с. 24]. Но, в отличие от сплошного желобка на изделии с пос. Кальмиус, на старицком экземпляре было шесть проточин. Таким образом, прямых аналогий мы не знаем. Судя по выбору материала и характеру сработанности, это, скорее всего, абразив, характер использования которого пока непонятен.

На левом берегу р. Кальмиус. в 1930 г. Н.Е. Макаренко исследовал знаменитый Мариупольский могильник, находившийся, по его данным, в двух километрах на восток от рыночной площади г. Мариуполя [Макаренко 1933, с. 7]. Однако, в соответствии с картами и фотографиями того времени, могильник располагался к северо-востоку от указанной привязки. Создается впечатление, что Н.Е. Макаренко дал заведомо неверный словесный ориентир, что, вероятно, было связано с режимом секретности при строительстве стратегического объекта – металлургического комбината “Азовсталь”. Исследуемый нами памятник находится на небольшом расстоянии к востоку от бывшей рыночной площади. Мариупольский могильник, таким образом, располагался к северо-востоку от поселения.

Н.С. Котова по целому ряду признаков отнесла Мариупольский могильник к нижнедонской культуре [Котова 2002, с. 26]. В соответствии с предложенной ею культурно-хронологической схемой, неолитический слой поселения Кальмиус следует синхронизировать как с первым этапом этой культуры, так и с вытянутыми на спине неокрашенными погребениями Мариупольского могильника [Котова 2002, с. 27]. В

могильнике не было найдено керамики, что затрудняет возможность его соотнесения с поселенческим материалом. Тем значимее найденный в засыпке могил единственный фрагмент сосуда, придонная часть которого орнаментирована зубчатым штампом [Макаренко 1933, рис. 91, 411]. Расположение и техника нанесения орнамента сближают его как с упоминавшейся выше керамикой второго слоя Раздорского, так и с фрагментом, найденным на поселении Кальмиус (рис. 4, 2). В засыпке были обнаружены и кремневые трапеции, близкие найденным на исследованном памятнике [Коваль, Дегерменджи 2013, с. 86]. К сожалению, Н.Е. Макаренко не выявил связь вещей, найденных в засыпке, с конкретными погребальными комплексами. Вместе с тем, попадание керамики и кремня в засыпку могильника нельзя считать случайностью. На специальный отбор таких вещей в засыпке указывает, в частности, то, что среди них находились также пластинки из клыков кабана, имевшие, несомненно, знаковый характер [Макаренко 1933, рис. 91]. По мнению А.Д. Столяра, вещи из засыпки погребений являлись частью погребальных приношений [Столяр 1955, с. 33]. Отсутствие погребальной керамики в Мариупольском могильнике можно объяснить тем, что погребальные сосуды могли находиться на специальных жертвенных площадках за пределами могильника (по аналогии с могильниками мариупольского типа Поднепровья). Поскольку раскоп Н.Е. Макаренко по ширине был максимально близок к размерам погребальной траншеи, такие площадки могли остаться неисследованными.

Реконструкция внешнего вида надмогильного сооружения была предложена А.Д. Столяром [Столяр 1955, с. 34-35]. Нельзя не согласиться с тем, что длительно функционирующий могильник не может существовать без какого-либо сооружения, предохраняющего его от разрушения. Однако сама реконструкция представляется в значительной степени надуманной. В ней не учитываются условия засушливой степи Приазовья. В качестве аналогии приводятся жилищные структуры энеолита Прикамья, для которого характерно достаточное количество строевого леса. К тому же, там были зафиксированы остатки обгоревших деревянных стен [Столяр 1955, с. 34-35]. Ничего подобного на Мариупольском могильнике не обнаружено. Вряд ли над захоронениями была возведена легкая двускатная конструкция, как полагал В.Н. Даниленко [Столяр 1955, с. 35]. Столбовые ямки в погребальной траншее не прослежены. Судя по фотографии, их не было и вдоль полосы “красной земли” [Макаренко 1933, табл. II].

Для Северо-Восточного Приазовья характерен дефицит леса. По археологическим и этнографическим данным, это привело к использованию в качестве строительного материала дерновых блоков и камня [Горбов 1997; Горбов, Мимоход 1999, с. 35; Материальная культура... 1979, с. 84-85]. Согласно письменным источникам, и запорожские казаки, и греки-переселенцы в XVIII в. на данной территории при строительстве использовали только привозной лес [Архив Коша 1998, с. 123; Калоев 2008, с. 365].

В эпоху неолита в Подонцовье, с его сравнительно мягким климатом, “заболоченность пойм была наиболее низкой в голоцене. Пойменные леса сменились богатым разнотравьем” [Герасименко 1997, с. 53]. Мариупольский могильник находился в степной зоне Приазовской низменности, которая оценивается климатологами как “очень засушливая” [Природа Украинской ССР 1984, рис. 54]. Следовательно, представить конструкцию надмогильного сооружения Мариупольского могильника из мощных бревен невозможно.

Один из авторов проводил исследование углубленного многократного культового комплекса в приморской зоне Приазовья. Не вызывает сомнения, что этот комплекс, использовавшийся в течение длительного времени, имел какое-то перекрытие, которое легко убиралось на время проведения обряда [Горбов, Кабанова 2010, с. 94]. Можно предположить, что таким образом перекрывали и погребальную траншею Мариупольского могильника. Подобные конструкции можно было убрать при совершении очередного захоронения. Вероятно, также должен был существовать и некий знак, позволявший определить расположение могильника.

Н.Е. Макаренко исследовал первый из памятников, которые впоследствии были определены как могильники мариупольского типа. К сожалению, он не мог представить всей значимости своего открытия. Говоря о погребениях с булавами, он писал следующее: “Их положено в ряд с иными, обычными себе гражданами, гражданками та дѣтьми” [Макаренко 1933, с. 35]. Последующие исследования показали, что Мариупольский могильник был отнюдь не рядовым. Изучение неолитических могильников Поднепровья, близких по обряду захоронения, позволило А.Д. Столяру сделать вывод о том, что Мариупольский могильник являлся “наиболее выразительным и значительным из них” [Столяр 1955, с. 16].

Значимость Мариупольского могильника стала еще более очевидной после того, как Д.Я. Телегин выделил и опубликовал могильники мариупольского типа [Телегин 1991]. Например, в наиболее богатом захоронении Деревинского могильника, который содержал 173 погребения (существенно больше, чем в Мариупольском могильнике), было 5 подвесок из зубов оленя, 35 зубов рыб и пластинка мариупольского типа из клыка кабана [Телегин 1991, с. 183]. В Мариупольском могильнике, по подсчетам А.Д. Столяра, пластинки из клыков кабана были встречены в 41 погребении, причем в некоторых захоронениях их число доходило до 10-15 и более [Столяр 1955, с. 19-20]. То есть “инвентарь Мариупольского могильника в целом и в каждом его инвентарном погребении по своему многообразию и исключительности не имеет равных в Поднепровье” [Котова 2002, с. 20].

Анализ многоярусности Мариупольского могильника у А.Д. Столяра и у Н.С. Котовой различается. Но, в любом случае, количество стратиграфически близких погребений ограничено. В хронологических группах, выделенных Н.С. Котовой, оно колеблется от 10 до 31 [Котова 1990, с. 91, табл. 1]. Это, на наш взгляд, свидетельствует о специальном отборе умерших для погребения в этом могильнике.

На определенном этапе в могильнике прослеживается резкая смена погребальной обрядности. Погребения с неокрашенными костяками сменяются погребениями, засыпанными охрой [Котова 2002, с. 27]. Неизменным на протяжении длительного времени остается конкретное место захоронения в погребальной траншее. “Богатство” Мариупольского могильника по сравнению с малоинвентарными могильниками этого типа, ограниченность количества погребенных, сакрализация погребального пространства позволяют утверждать, что Мариупольский могильник являлся местом захоронения элиты некоего социума, проживавшего в нижнем течении р. Кальмиус в эпоху неолита.

Кроме этого, Мариупольский могильник выделяется удивительной структурированностью. В подавляющем большинстве могильников этого типа погребения расположены хаотично, здесь же погребенные расположены рядами, с жестким соблюдением ориентации. Н.Е. Макаренко утверждал, что положение погребенных по “антитезе” отвечало гендерным различиям: женские погребения были ориентированы на запад, мужские – на восток [Макаренко 1933, с. 15]. Д.Я. Телегин считал, что это мнение ошибочно, ссылаясь при этом на неолитический могильник “Госпитальный холм” [Телегин 1991, с. 8]. Однако указанные могильники различаются территориально, в культурном отношении и по погребальному обряду. К тому же, погребенные в Мариупольском могильнике, несомненно, имели высокий социальный статус, а погребения “Госпитального холма” имели незначительный инвентарь [Ковалева 1984]. Мужское и женское захоронение в положении “антитезы” было зафиксировано в неолитическом Вольнянском могильнике. В качестве аналогий ему М.А. Хлобыстина приводит именно Мариупольский могильник и китойский Циклодром [Хлобыстина 1979, с. 61-62].

Можно предположить, что место расположения Мариупольского могильника оставалось сакральным и после прекращения его функционирования. Очевидно, не случайно здесь же было совершено более позднее парное погребение с атрибутами вождя [Макаренко 1933, с. 69, 70], а еще позже – кремация [Макаренко 1933, с. 18]. В обоих случаях в инвентаре имелись украшения из клыков кабана. Это свидетельствует о сохранении

культурных традиций в течение длительного времени даже при смене погребального обряда.

Два рассмотренных в статье памятника находились на границе культур. Для данного региона поселение Кальмиус является самым восточным известным памятником азово-днепровской культуры, Мариупольский могильник – самым западным для нижнедонской. Поселения азово-днепровской культуры находились на правом высоком берегу Кальмиуса, а “богатый” могильник нижнедонской культуры располагался на противоположном низком берегу реки в пределах прямой видимости. То, что могильник не был ограблен, может свидетельствовать о доминировании в данном регионе населения, к которому относились его создатели.

Неолитическое поселение Кальмиус было перекрыто частично сохранившимся слоем бронзового века. Судя по немногочисленным фрагментам с характерной валиковой орнаментацией, слой относился к бабинской культуре. Еще выше зафиксированы остатки частично исследованного глинобитного сооружения неясного назначения. В процессе расчистки были найдены фрагменты красноглиняной кружальной керамики и подвеска из бронзовой проволоки, позволяющие отнести сооружение к салтово-маяцкой культуре.

В юго-западной части раскопа было исследовано прорезавшее вышеописанные слои помещение 1 (рис. 1) относящееся к XVIII в. Оно было ориентировано по линии СЗ-ЮВ и имело размеры 3,5×3 м, глубина от современной поверхности составила 2,8 м. В помещении обнаружено шесть столбовых ямок диаметром 0,25-0,35 м и глубиной 0,6-0,75 м от пола жилья. Они расположены вдоль стен, ориентированных по линии СЗ-ЮВ, при этом четыре ямки находились в углах. Ямки имели небольшой уклон к центральной оси жилья. На дне пяти ямок лежали необработанные плоские куски ракушечника, в шестой ямке найдены обломки чугунного котелка.

В столбовых ямках не было найдено остатков дерева. Это означает, что столбы там находились недолго и были относительно быстро удалены. Никаких остатков очага или печи найдено не было. Скорее всего, помещение имело складское или хозяйственное назначение и носило временный характер.

Котлован находился на коренном правом берегу р. Кальмиус, но не на самой высокой точке рельефа. Его не засыпали, а оставили открытым, о чем свидетельствует наличие горизонтальных слоев разного цвета и консистенции, которые образовались вследствие смывания почвы во время дождей. Помещение заплывало постепенно за счет размыва. Факт наличия глубокой ямы, которая не была засыпана (причем в нее не выбрасывали мусор), говорит о том, что в течение определенного времени после окончания функционирования помещения этот участок не был заселен.

На дне котлована и чуть выше были найдены три фаянсовые помадницы, трубка для курения турецкого образца типа “тахта-чубук” [Волков б/г] и несколько фрагментов светлоглиняных гончарных сосудов, украшенных в технике “опыска” бурой глиной.

Трубка светло-красного цвета с лощеной поверхностью (рис. 5, 1). Шейка разделена вертикальными гранями, ограничивающими прямоугольные вертикальные плоскости. На каждой плоскости расположен одинаковый штампованный растительный орнамент. Туловище чашечки орнаментировано рядами сдвоенных параллельных линий, между которыми размещены отпечатки штампа в виде вертикально вытянутых овалов, образованных мелкими параллельными насечками. Тулейка граненая, орнаментирована у втулки мелкими параллельными насечками. На чашке, в основе тулейки, находится клеймо в виде листочка. Трубка, несомненно, турецкого производства, а судя по клейму, могла быть изготовлена в Софии [Волков б/г].

Помадницы – это небольшие цилиндрические сосуды из фаянса, покрытые снаружи синей глазурью. Они обычно использовались для хранения косметического средства (помады), которую, в частности, мужчины применяли при уходе за усами и прической.

Судя по совместному залеганию в жилых комплексах казачьей крепости Азова XVIII в. [Широченко, Масловский 2011, рис. 5], турецкие трубки “тахта-чубук” и помадницы были

характерными атрибутами азовских казаков. В исследованных комплексах запорожских казаков помадницы, насколько нам известно, нигде найдены не были. Запорожцы не пользовались такими средствами – их усы и “оселедці” этого не требовали.

У юго-восточной и северо-западной стенок помещения найдены остатки двух деревянных досок, в которые были вбиты несколько кованых железных четырехгранных гвоздей, согнутых почти посередине. Длина гвоздей в первоначальном виде составляла около 12 см, что соответствует размерам корабельных гвоздей [Лермантов 1892, с. 207]. Это позволяет предположить, что доски когда-то были фрагментами обшивки казацкого судна.

Таким образом, найденный комплекс можно охарактеризовать как хозяйственное помещение казаков из Азова, которое имело глубокий котлован с опорными столбами. Оно было достаточно добротным, хотя и носило временный характер. Интересно также, что на дне помещения находились фрагменты корабельной обшивки. В верхних, более поздних, слоях заполнения котлована была найдена деньга 1747 г. (Россия, Елизавета Петровна), что позволяет отнести время сооружения комплекса к первой половине XVIII в.

Устье Кальмиуса было традиционным местом конфликтов между донскими и запорожскими казаками. Конфликты часто выглядели как мгновенные военные операции [LV 2010, с. 18], при этом устройство стационарных складов и использование морских кораблей не требовалось. Можно предположить, что складское помещение со столбовой конструкцией было связано с более масштабным событием, в котором принимали участие казаки из Азова, использовавшие морские судна.

Нам известно лишь одно событие этого времени, которое можно связать с данным комплексом. Оно касается истории гребной флотилии под командованием вице-адмирала российского флота П. Бредаля времен русско-турецкой войны 1735-1739 гг. Суда этой флотилии были больших размеров, в них помещалось до 40 человек, две трехфунтовые пушки и необходимый груз [Ластенко 2005, с. 76]. Они должны были выходить в море, поэтому при их строительстве использовали корабельные гвозди.

В ходе военных действий 1738 г. флотилия П. Бредаля совершала рейд из Азова в Крым и с 25 апреля по 8 мая стояла лагерем в устье Кальмиуса [Боевая летопись ... б/г]. Для функционирования лагеря необходимы были хозяйственные постройки. Учитывая засушливый климат Юго-Восточного Приазовья и полное отсутствие строительного леса, можно предположить, что столбы для зданий казаки возили с собой на лодках. После окончания стоянки столбы выкапывали и забирали, а котлованы могли оставлять не засыпанными. В качестве типологической параллели можно привести хорошо известную практику перевозки деревянных частей юрт кочевниками пустынной и степной зоны.

Незасыпанный котлован помещения заполнялся грунтом на протяжении длительного времени. Верхняя часть частично заплывшего котлована затем использовалась запорожскими казаками крепости Кальмиус в качестве мусорной ямы. Именно в этой части заполнения и чуть выше были сделаны наиболее интересные находки, которые относятся к быту запорожцев. Прежде всего, это 11 курительных трубок разной степени сохранности.

Трубкам запорожских казаков посвящено большое количество исследований, но тот или иной фасон обычно датируется очень широко – например, XVII-XVIII вв. Закрытых комплексов с трубками запорожских казаков исследовано очень мало. Однако в описанном комплексе вместе с трубками была найдена и медная монета 1747 г., упоминавшаяся выше. Таким образом, эти находки датируются серединой XVIII в. Находка трубок (одного из самых ярких индикаторов материальной культуры запорожского казачества) и монеты (хронологического индикатора), в сочетании с данными картографии, позволяет утверждать, что исследуемый комплекс относился ко времени существования крепости Кальмиус.

Среди трубок нет ни одной целой. В свое время все они были повреждены или просто разбиты, и поэтому выброшены. Ниже приведено описание наиболее сохранившихся экземпляров.

1. Трубка с черным задымлением, на обеих сторонах чашечки – рельефный орнамент в виде грубо изображенных розеток (рис. 5, 7). На тулейке гладкий валик. Край венчика чашечки слегка отогнутый.

2. Фрагмент граненой тулейки (рис. 5, 6). В изломе глина красного цвета, поверхность покрыта светлым ангобом. На каждой грани красной краской нанесен орнамент – композиция из вертикально расположенных треугольников и ромбов, соединенных вершинами. Сверху венчик украшен наклепным воротничком, верхняя часть которого расчленена вертикальными линиями, ниже – мелкими каннелюрами. Под ними – гладкий валик. Рельефная композиция покрыта красной краской, частично стертой.

3. Тулейка красноглиняной трубки с небольшим участком чашечки (рис. 5, 5). Край тулейки на расширенной части орнаментирован линией мелкозубчатого штампа. На нижней части тулейки – оттиск штампа в виде круга, заполненного кривой сеткой. Аналогичный штамп известен на поселении Казачья Пристань (Донецкая обл., Славянский р-н) [Кравченко, Духин 2000, рис. 1, 3].

4. Трубка, чашечка которой смоделирована в виде мужского лица с загнутыми вверх усами и короткой бородкой (рис. 5, 9). Край венчика украшен гладким валиком, изображающим нижнюю часть головного убора, из-под которого выбиваются волосы. Трубка сохранилась практически полностью, но в ней пробито небольшое отверстие, которое делало использование невозможным.

В помещении также найдены мелкие фрагменты четырех красноглиняных трубок. За пределами помещения в слое найдена трубка светло-красного цвета (рис. 5, 2). Тулово чашечки украшено вертикально расположенными каннелюрами и имеет ярко выраженный гребень (налепной выступ вдоль дна). Ниже шейки находится расчлененный валик, выделенный сверху и снизу отпечатками зубчатого штампа. То, что эта трубка синхронна по времени трубкам из помещения, подтверждает фрагмент такого же гребня красноглиняной трубки, найденной в помещении (рис. 5, 4).

Вероятно, все красноглиняные трубки являются турецким импортом. Турецкие трубки в XVIII в. изготавливались из красных глин, привезенных из района озера Ван, в то время как на Украине их делали из белых глин с большим содержанием каолина [Біляева 2012, с. 321]. В коллекции Мариупольского краеведческого музея есть красноглиняная трубка с клеймом турецкого производства, найденная во время раскопок Н.Е. Макаренко на левом берегу Кальмиуса (рис. 5, 3) [Макаренко 1931].

Трубка черного цвета с изображением мужского лица также турецкого производства. Подобные трубки встречаются крайне редко. Так, из 2-х тысяч трубок, найденных в турецкой крепости Аккерман, антропоморфных трубок только две, причем изображение лица на них, в отличие от кальмиусской, более схематичны [Біляева 2012, рис. 135, рис. 3, 4].

Следует обратить внимание на то, что трубка из раннего комплекса относится к распространенному среди азовских казаков типу “тахта-чубук”. В более позднем (запорожском) комплексе трубки также являются турецкими, но иных типов. В целом выделяется лишь одна трубка, возможно, сделанная в Украине (рис. 5, 7).

Неожиданной оказалась находка голландской фаянсовой трубки белого цвета (рис. 5, 8). На верхней части чашки расположен рельефный штамп, являвшийся, вероятно, маркой производителя. На территории Донбасса пока известна только одна находка голландской трубки – на многослойном поселении Выдылыха (Донецкая обл., Славянский р-н) [Кравченко, Духин 2000, рис. 3, 8]. Такие трубки в большом количестве встречаются в городских слоях Москвы и Петербурга XVII-XVIII вв. [Розенфельд 1968, с. 71]. С точки зрения датировки комплекса важно то, что с середины XVIII в. привоз голландских трубок в Россию прекращается. Изображение длинных голландских трубок хорошо известны в европейской и русской живописи этого времени [Коваленко 2008, с. 41; Сокровища... 1967, с. 69]. Но если для самих голландцев такие трубки были обычным аксессуаром курильщика всех слоев населения, то в русском быту они оказывались атрибутами богатого горожанина.

На фоне других находок казачьего времени голландская трубка выглядит диссонансом. Ее архитектура полностью противоречит традициям табакокурения запорожского казачества. Голландские трубки были цельнолитыми, (что подтверждает характер излома нашей трубки). Чубук достигал длины 25-40 см при диаметре внутреннего канала 1 мм [Розенфельд 1968, с. 72]. Подобные трубки были малоприспособлены для военного быта. Естественно, что для таких трубок использовали дорогой табак высокого качества. Они требовали особого ухода, их сложно было чистить, к тому же они были неудобны при переноске и могли легко сломаться. Казаки предпочитали составные трубки – с керамической чашечкой и деревянным (тростниковым) чубуком, причем чубук и чашечку для лучшей сохранности носили раздельно [Археология 1997, с. 80].

В Украине выращивали и использовали (в т.ч. на продажу) низкосортный махорочный табак [Коваленко 2008, с. 40]. Попытки привлечь местное население к потреблению импортных сортов успеха не имели. “Туземные простолюдины не требуют от табака никакого аромата, но зато особенный вкус и тяжелый запах в возможно большей степени” [Археология 1997, с. 81].

Можно предположить, что владелец голландской трубки курил табак лучшего качества, нежели другие жители крепости. Вряд ли эта трубка была трофеем, ведь к ней должен был добавляться и табак особого качества. Маловероятно, что в крепости запорожских казаков каким-то образом появился иностранец или выходец из зажиточных городских слоев Российской империи. Скорее всего, голландская трубка могла принадлежать одному из “столичников”. Так называли казаков, направлявшихся за жалованьем и хлебом в столицу, где они получали денежное вознаграждение и даже медали [Скальковский 1841, с. 122]. “Столичники” вполне могли перенимать какие-то элементы русского городского быта.

Из общего с трубками комплекса происходит также значительное количество фрагментов светлоглиняных гончарных сосудов, украшенных “опыской”. Такая керамика характерна для Слободской Украины и традиционно датируется широкими пределами XVII-XVIII вв. Следует отметить, что 21 фрагмент такой же керамики был найден в комплексе азовских казаков. В этом нет противоречия, ведь изделия слободских керамистов продавались на широких просторах, в том числе и на юге России.

Получена представительная коллекция столовой поливной посуды XVIII в. Такая посуда представляла большую ценность и являлась парадной [Пошивайло 1993, с. 208]. Наличие фрагментов этой посуды в комплексе запорожских казаков свидетельствует о ее принадлежности человеку, занимавшему высокое социальное положение в крепости (представителю казацкой старшины, возможно, полковнику).

Крепость Кальмиус прекратила свое существование, разделив общую участь Войска Запорожского. В 1778 г. в устье р. Кальмиус по инициативе губернатора Азовской губернии В.А. Черткова началось строительство города Павловска, население которого было пришлым [РГАДА, Р. 16, Д. 588, л. 117об.].

В 30-х гг. XX в. на территории старой рыночной площади г. Мариуполя случайно было найдено несколько курительных трубок и фрагменты спекшейся массы, в которую были “вплавлены” трубки [Кучугура, Саенко 1998, с. 185].

Детальный осмотр фрагментов, хранящихся в Мариупольском краеведческом музее, показал, что это бесформенные куски спрессованного песка, из которого торчат остатки трубок разной степени сохранности. Возможно, это была партия бракованных, еще горячих трубок, которую выбросили в яму с песком, расположенную недалеко от печи.

Трубки, найденные на рыночной площади, и трубки из спекшихся фрагментов оказались близки типологически и по размерам. Они существенно меньше трубок, традиционно использовавшихся в казачьем быту. Сравнительно хорошо сохранившиеся экземпляры позволяют утверждать, что при их изготовлении использовалось как минимум 6 матриц, близких по форме. Большинство трубок имеют черный цвет, то есть, они обожжены с “задымлением” (рис. 6, 1, 3-7). Одна трубка коричневого цвета (рис. 6, 2) по оформлению

близка к задымленному образцу (рис. 6, 4). Фасоны трубок с рыночной площади не характерны для украинской традиции. Ближайшие аналогии найдены на территории Брянщины [Путь, Ещенко 2008, с. 168]. Возможно, мастер, изготовивший эти трубки, прибыл в Павловск из России.

Наибольший интерес представляют три трубки разной степени сохранности, которые в первоначальной публикации были определены как имеющие тавро [Кучугура, Саенко 1998, с. 185]. На них с двух сторон располагались рельефные изображения в виде рамок. В них в зеркальном изображении размещались надписи: с одной стороны “ГОД”, с другой “780” (рис. 6, 5-6). Таким образом, это не тавро, а дата изготовления серии трубок – 1780 год. Пропущенная первая цифра в обозначении года характерна для делопроизводства Российской империи XVIII в. Аналогии датированным трубкам нам не известны. Вероятно, это была небольшая серия, сделанная по конкретному заказу.

В 1780 году произошла смена населения города Павловска. На его территории поселились греки-переселенцы из Крымского ханства. В связи с этим город был переименован в Мариуполь.

Таким образом, археологические комплексы, исследованные на территории Мариуполя, существенно расширили информацию об истории края XVIII в., предоставили материальные подтверждения пребывания в устье Кальмиуса выходцев из Азова, что имеет отношение к датировке основания Кальмиусской крепости. В литературе существует удивительный хронологический разброс мнений по этому вопросу, отражающий, скорее, эмоции авторов, чем логику фактов. Присутствие азовской флотилии относится к 1738 году, причем в довольно детальных описаниях боевых действий русского флота крепость Кальмиус нигде не упоминается. Трудно представить, что исследованное нами складское помещение казаков из Азова могло располагаться на территории функционирующей запорожской крепости. Следовательно, крепость Кальмиус была основана после 1738 г.

Керамический комплекс, относящийся к периоду пребывания здесь запорожских казаков, не только ярко иллюстрирует детали их повседневной жизни, демонстрирует социальный и культурный срез, но и открывает новые возможности более точного датирования украинской керамики в узких хронологических рамках существования крепости Кальмиус. Комплекс из керамической мастерской в Павловске, содержащий уникальные датированные курительные трубки, рассказывает об одной из сторон экономической жизни и свидетельствует о возможных путях заселения города.

Горбов В.М., Божко Р.П., Кушнір В.В.

АРХЕОЛОГІЧНІ КОМПЛЕКСИ НА ТЕРИТОРІЇ ФОРТЕЦІ КАЛЬМІУС ТА ЇЇ ОКРУГИ

Колекція неолітичної кераміки дозволила дати культурно-хронологічну оцінку комплексу, який має вигляд I-A періоду азово-дніпровської культури з деякими іншопольними запозиченнями. У статті доводиться, що відомий неолітичний Маріупольський могильник, який знаходився на протилежному березі р. Кальміус, містив поховання племінної еліти соціуму, до якого, ймовірно, входило населення досліджуваної пам'ятки. Знахідки з шару XVIII ст. дозволили співвіднести господарське приміщення козаків із Азова з рейдом флотилії віце-адмірала П. Бредаля часів російсько-турецької війни 1735-1739 рр. і уточнити, що фортецю Кальміус було засновано у період після 1738 р. Аналіз знахідок з гончарної майстерні дозволив відкрити нову сторінку в маловідомій історії м. Павловська, який виник у гирлі Кальміусу після знищення Війська Запорізького.

Ключові слова: неоліт, азово-дніпровська культура, Маріупольський могильник, фортеця Кальміус, Павловськ.

THE ARCHAEOLOGICAL COMPLEXES ON THE TERRITORY OF THE KALMIUS FORTRESS AND ITS SURROUNDINGS

The collection of Neolithic pottery allowed giving the cultural and chronological assessment of the complex, which has the appearance of I-A period of Azov-Dnieper culture with some foreign cultural borrowing. It is proved that the famous Neolithic Mariupol's burial ground, which was on the opposite bank of the Kalmius river, contained the graves of tribal elite of society, which probably included the population of the monument studied. A number of finds of XVIII century layer made it possible to correlate the utility room of Azov Cossacks with the raid of the Russian Fleet headed by Vice-Admiral P. Bredahl of Russian-Turkish war of 1735-1739 and specify the date of Kalmius Fortress foundation – the period after the 1738. The analysis of the pottery findings allowed opening a new page in the history of the little-known city of Pavlovsk, which emerged at the mouth Kalmius after the destruction of the Zaporozhian Sich.

Keywords: Neolith, Azov-Dnieper culture, Mariupol's burial ground, Kalmius fortress, Pavlovsk.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Археологія** доби українського козацтва XVI – XVIII ст. – К., 1997. – 333с.
- Архів** Коша Нової запорізької Січі. Корпус документів 1734-1775 рр. – Т. I. – К., 1998. – 695 с.
- Біляєва С.О.** Слов'янські та тюркські світи в Україні (з історії взаємин у XIII-XVIII ст.) / С.О. Біляєва – К.: Університет “Україна”, 2012. – 524 с.
- Боевая** летопись русского флота: Хроника важнейших событий военной истории русского флота с IX в. по 1917 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://militera.lib.ru/h/boevaya_letopis_flota/index.html
- Васильев И.Б.** Могильник у с. Съезжее на р. Самаре / И.Б. Васильев, Г.И. Матвеева // СА. – 1979. – № 4. – С. 147-167.
- Волков И.В.** Частная коллекция турецких курительных трубок из Москвы / И.В. Волков // [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.opentextnn.ru/history/archaeology/library/?id=836
- Герасименко Н.П.** Природная среда обитания человека на юго-востоке Украины в позднеледниковье и голоцене (по материалам палеогеографического изучения археологических памятников) / Н.П. Герасименко // АА. – № 6. – Донецк, 1997. – С. 3-64.
- Горбов В.Н.** Две традиции применения камня в домостроительстве позднего бронзового века / В.Н. Горбов // АА. – № 6.– Донецк, 1997. – С. 145-161.
- Горбов В.Н.** Культовые комплексы на поселениях срубной культуры Северо-Восточного Приазовья / В.Н. Горбов, Р.А. Мимоход // Древности Северо-Восточного Приазовья – Донецк, 1999. – С. 24-69.
- Горбов В.Н.** Некоторые аспекты культовой практики населения эпохи поздней бронзы Северо-Восточного Приазовья / В.Н. Горбов, Е.В. Кабанова // АА. – № 21: Изобразительное искусство в археологическом наследии. – Донецк: ООО “Лебедь”, 2010. – С. 86-103.
- Горелик А.Ф.** Старица-XVIII – новая неолитическая стоянка в Среднем Подонцовье / А.Ф. Горелик, С.М. Дегерменджи, С.Н. Разумов // АА. – № 18.– Донецк: ООО “Лебедь”, 2006. – С. 118-129.
- Калоеров С.А.** От Крыма до Мариупольского греческого округа (1652-1783) / С.А. Калоеров. – Донецк: Юго-Восток, 2008. – Т. 1. – 639 с.
- Кияшко В.Я.** Между камнем и бронзой (Нижнее Подонье в V-III тыс. до н.э.) / В.Я. Кияшко // Донские древности. – Вып. 3. – Азов: Азовский краеведческий музей, 1994. – 131с.
- Коваленко О.** Глиняні люльки XVII-XVIII ст. (за матеріалами Полтавщини) / О. Коваленко. – Опішне: Українське Народознавство, 2008. – 144 с.
- Ковалева И.Ф.** Нео-энеолитический могильник “Госпитальный холм” (предварительное сообщение) / И.Ф. Ковалева // Проблемы археологии Поднепровья III-I тыс. до н.э. – Днепропетровск: Изд-во Днепр. ун-та, 1984. – С. 25-43.

Коваль Ю.Г. Кремневый комплекс неолитического слоя поселения Кальмиус в современной черте г. Мариуполя (предварительное сообщения) / Ю.Г. Коваль, С.М. Дегерменджи // Північне Приазов'я в епоху кам'яного віку-енеоліту. – Мелитополь, 2013. – С. 79-86.

Котова Н.С. К проблеме контактов азово-днепровской и днепро-донецкой культур / Н.С. Котова // Каменный век на территории Украины: некоторые аспекты хозяйства и этнокультурных связей. – К.: Наук. думка. – 1990. – С. 39-47.

Котова Н.С. Поховальний обряд Маріупольського могильника / Н.С. Котова // Археологія. – 1990. – № 3. – С. 48-56.

Котова Н.С. Неолитизация Украины / Н.С. Котова – Луганск: Шлях, 2002. – 268 с.

Котова Н.С. Поздняя сурская культура и ее окружение / Н.С. Котова, О.В. Тубольцев // ДСПК. – Запорожье, 1992. – Вып. III. – С. 8-23.

Кравченко Э.Е. Керамические люльки и мелкая пластика поселения Казачья Пристань / Э.Е. Кравченко, А.И. Духин // Межэтнические культурные связи в Донбассе: история, этнография, культура. – Донецк, 2000. – С. 147-160.

Кучугура Л.И. Козацькі старожитності м. Маріуполя та його околиць / Л.И. Кучугура, Р.І. Сасенко // Нові дослідження пам'яток козацької доби в Україні. – Вип. 7. – К., 1998. – С. 178-187.

Ластенко А.В. К вопросу о месте гибели Азовской флотилии под командованием П.П. Бредаля в 1737 г. / А.В. Ластенко // Музейний вісник. – Запоріжжя, 2005. – Вип. 5. – С. 75-90.

Лермантов В. Гвозди / В. Лермантов // Энциклопедический словарь Брогауза и Ефрона. – СПб., 1892. – Т. VIII. – С. 207.

Макаренко М.О. Житла “забродів” / М.О. Макаренко. – НА ІА НАНУ. – Фонд ВУАК. – 1931. – № 539.

Макаренко М. Маріупольський могильник / М. Макаренко. – К., 1933. – 151 с.

Материальная культура компактных этнических групп на Украине. Жилища. – М.: Наука, 1979. – 192 с.

Пошивайло О.М. Етнографія українського гончарства: Лівобережна Україна / О.М. Пошивайло. – К.: Молодь, 1993. – 408 с.; іл.

Природа Украинской ССР. Климат. – К.: Наук. Думка, 1984. – 231 с.

Пусь В.М. Табакокурение и курительные трубки Стародубщины XVII-XX веков / В.М. Пусь, В.М. Ещенко // Деснинские древности. – Вып. V. – Брянск, 2008. – С. 165-178.

Розенфельд Р.Л. Московское керамическое производство XII-XVII вв. / Р.Л. Розенфельд. – М.: Наука, 1968. – 123 с.

Сокровища русского народного искусства. Резьба и роспись по дереву. – М.: Искусство, 1967. – 261 с.

Скальковский А.А. История Новой Сечи или последнего Коша Запорожского / А.А. Скальковский. – Одесса, 1841. – 461 с.

Столяр А.Д. Мариупольский могильник как исторический источник (опыт историко-культурного анализа памятника) / А.Д. Столяр // СА. – 1955. – Т. XVIII. – С. 17-37.

Телегин Д.Я. Неолитические могильники мариупольского типа: [Свод археол. источников] / Д.Я. Телегин. – К.: Наук. думка, 1991. – 96 с.

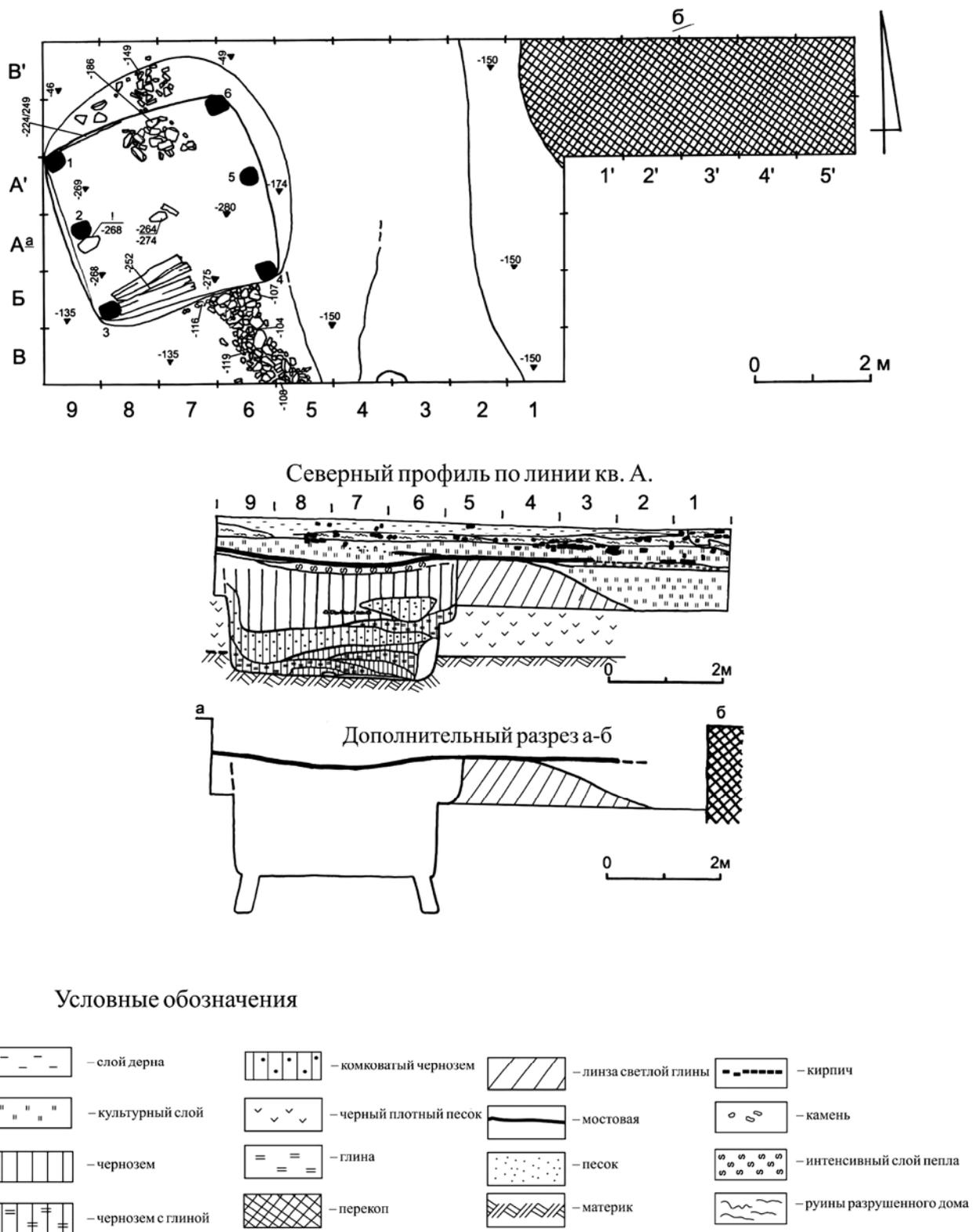
Товкайло Н.Т. О восточных связях буго-днестровской культуры (по материалам поселения Пугач) / Н.Т. Товкайло // Каменный век на территории Украины. – К.: Наук. думка, 1990. – С. 48-54.

Усачева И.В. К вопросу о культурозависимых признаках у “утюжков” / И.В. Усачева // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – Вып. 7. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2006. – С. 4-11.

Хлобыстина М.Д. Древнейшие могильники Нижнего Поднепровья как памятник социальной истории / М.Д. Хлобыстина // СА. – 1979. – № 3. – С. 48-62.

Широченко Э.Б. Археологические исследования в Азове и разведки в Азовском районе в 2009 г. / Э.Б. Широченко, А.А. Масловский // ИАИАНД в 2009 г. – Вып. 25. – Азов: Изд-во Азовского музея-заповедника, 2011. – С. 164-189.

LV. Кальмиусская паланка. Ревизия начал. Тезисы к докладу // Мариупольский краеведческий сборник. – Мариуполь: Рената, 2010. – С. 15-28.

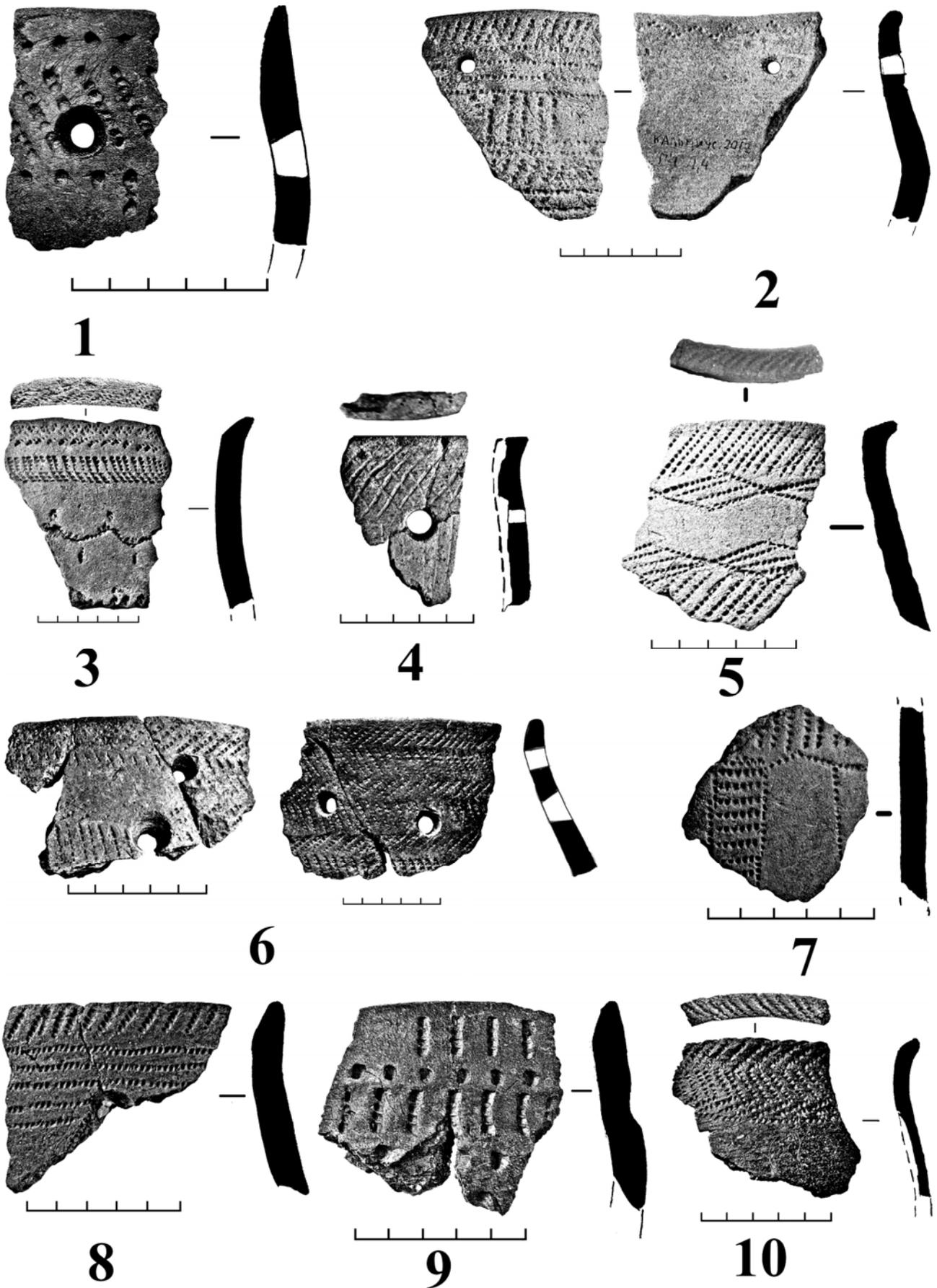

Рис. 2. Поселение Кальмиус. Керамика из неолитического слоя
Fig. 2. Settlement Kalmius. Ceramics from the Neolithic layer

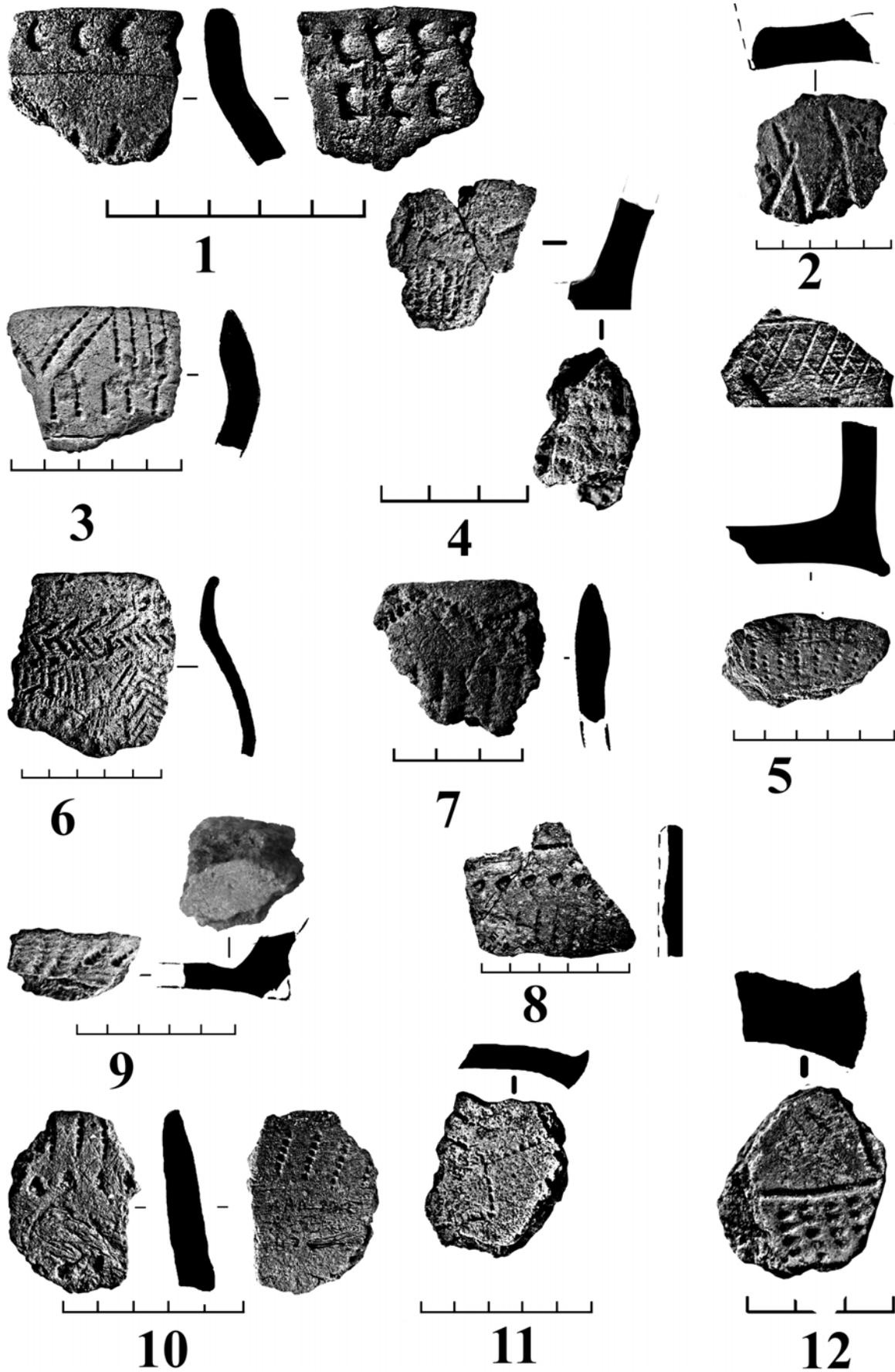
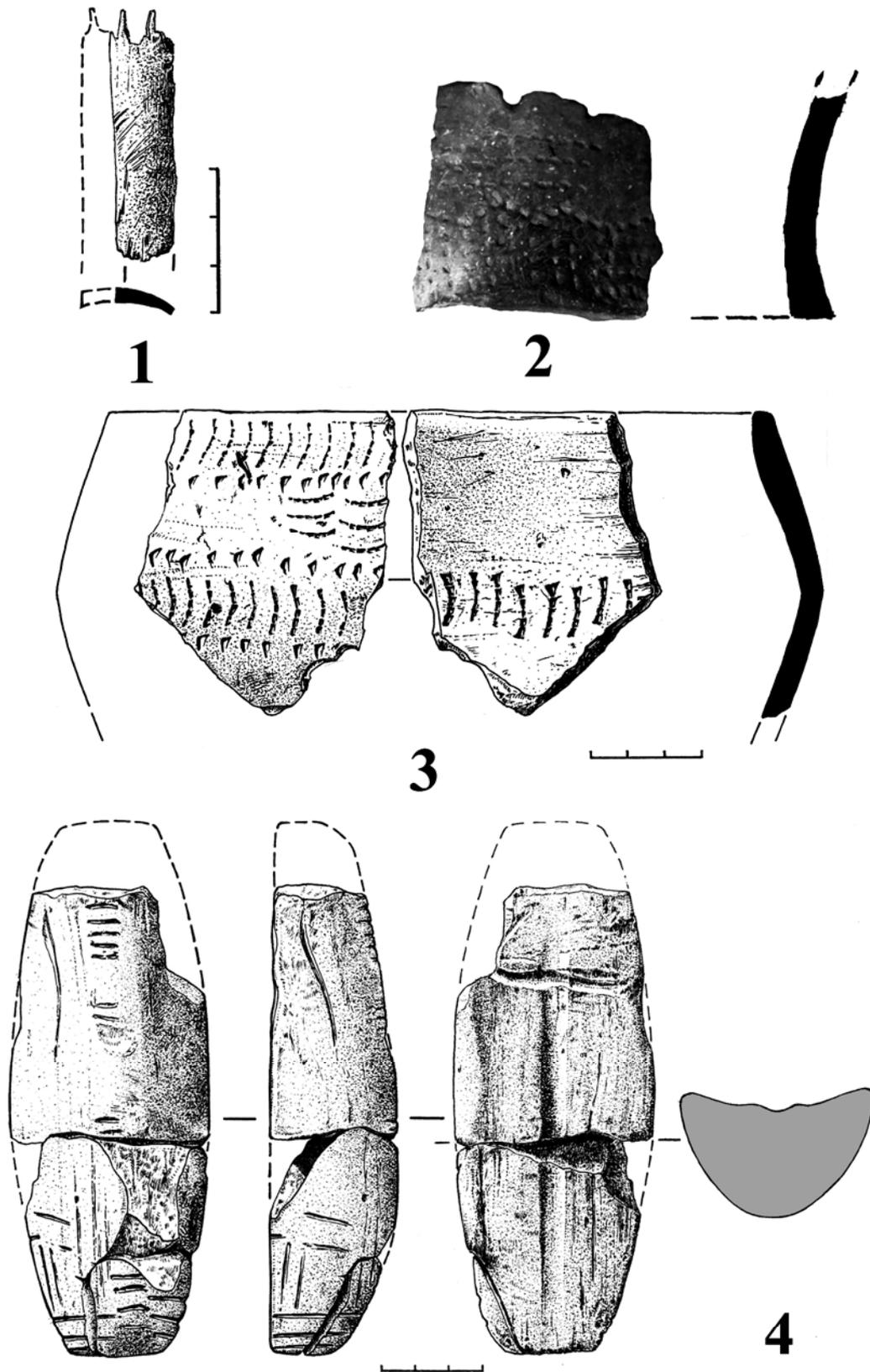

Рис. 3. Поселение Кальмиус. Керамика из неолитического слоя
Fig. 3. Settlement Kalmius. Ceramics from the Neolithic layer

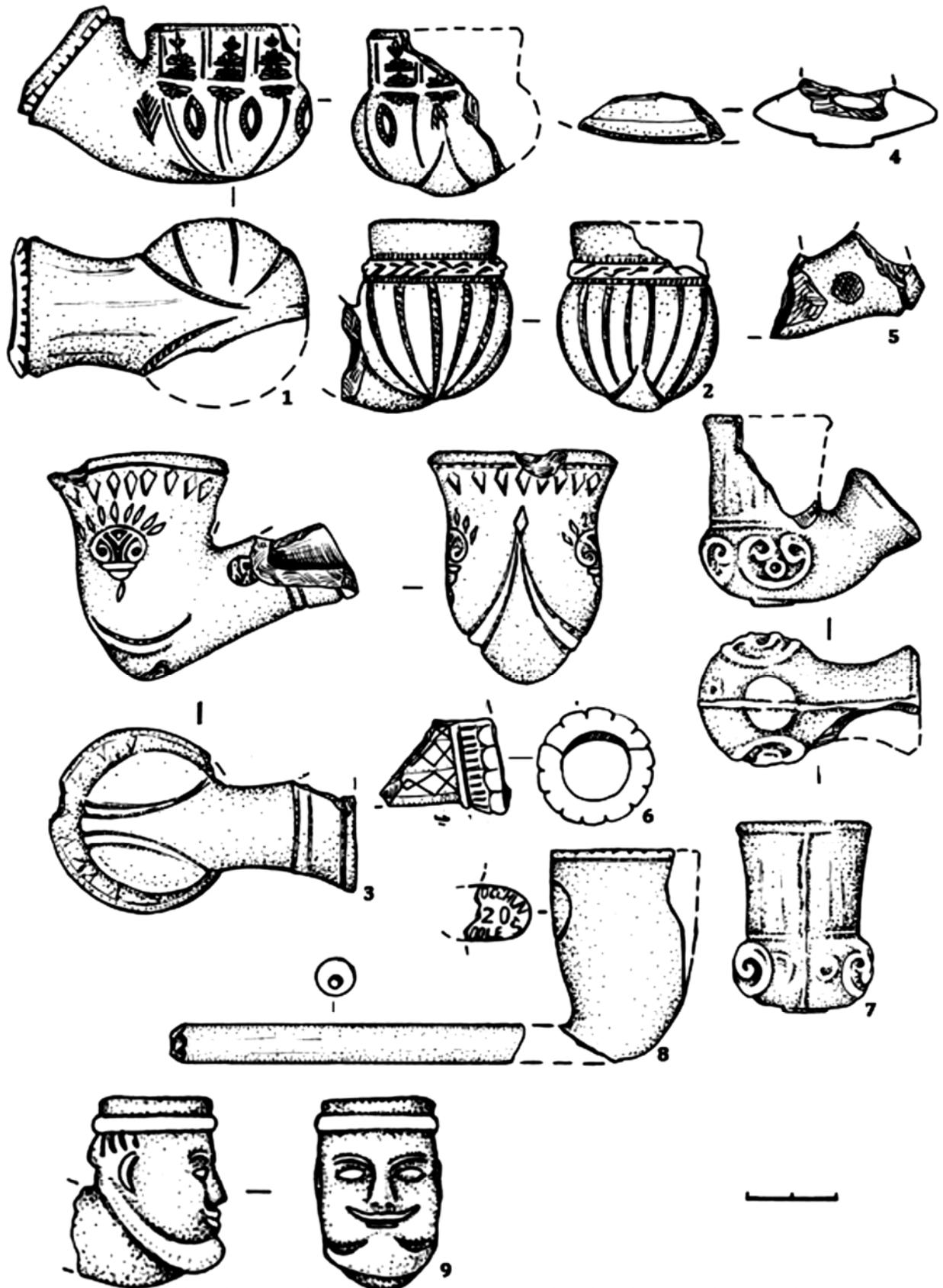

1. Фрагмент костяного штампа.
2. Придонная часть сосуда.

3. Фрагмент сосуда.
4. Изделие из песчаника.

Рис. 4. Поселение Кальмиус. Находки из неолитического слоя

Fig. 4. Settlement Kalmius. The finds from the Neolithic layer

1 – нижня частина заповнення пом. 1; 2 – слой пам'ятника; 3 – «житла забродів» по Макаренко Н. 4-9 – верхня частина заповнення пом. 1

Рис. 5. Курительные трубки с территории крепости Кальмиус
Fig. 5. Pipes from the fortress Kalmiuzh

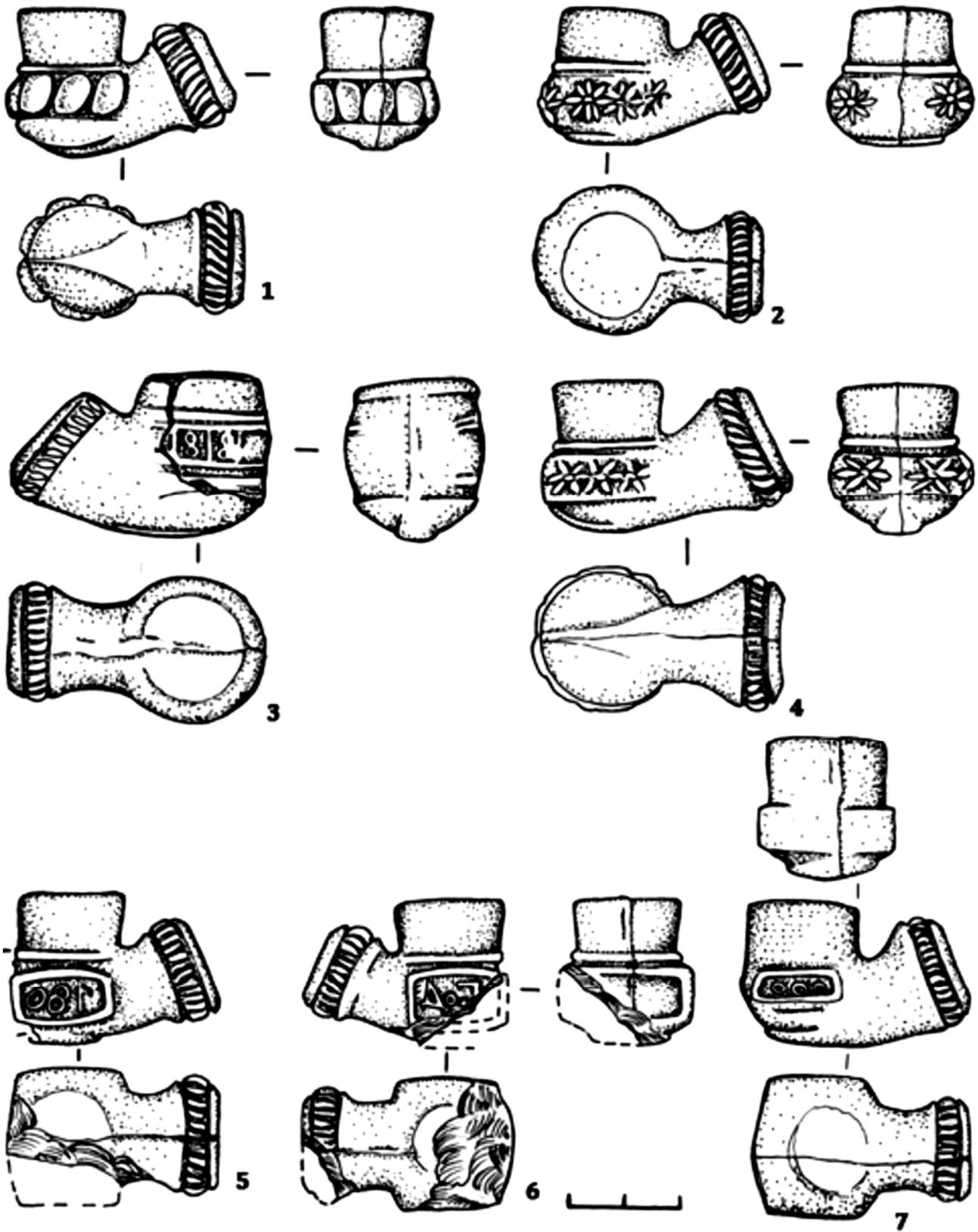

Рис. 6. Курительные трубки с рыночной площади г. Мариуполя
Fig. 6. Pipes from the market square of Mariupol